

«Новая демократия» Мао Цзэдуна и новый авторитаризм Чан Кайши: две парадигмы общественного прогресса Китая середины XX века

© 2014

Д. Аринчева, А. Панцов

В статье анализируются модели будущего государственного устройства Китая: «новая демократия» Мао Цзэдуна и доктрина нового авторитаризма Чан Кайши, которые различались по своим целевым установкам. В то время как Мао Цзэдун твердил о необходимости немедленного перехода к «конституционному правлению», Чан Кайши, по существу, настаивал на незавершенности периода «политической опеки».

Ключевые слова: «новая демократия», Мао Цзэдун, Чан Кайши, конституционное правление.

За несколько лет до решающей схватки за власть в Китае, в период Антияпонской войны крупнейшие лидеры страны Мао Цзэдун и Чан Кайши выступили с различными концепциями развития страны, объявив о стремлении воплотить их в жизнь после разгрома японских агрессоров. В то время китайский народ вел затяжную войну с милитаристской Японией, но вожди двух политических партий, компартии и Гоминьдана, временно объединившиеся в 1937 г. для отражения японского нашествия, уже начали думать о новой схватке — на этот раз между собой.

Обе концепции проистекали из одного источника: общественно-политической теории Сунь Ятсена. Суть взглядов Сунь Ятсена заключалась в следующем: китайский народ должен осуществить антиимпериалистическую и антифеодальную революцию, в результате которой будет образовано государство равных возможностей со смешанной экономикой, находящееся под контролем государственных структур и осуществляющее политику протекционизма в интересах всего общества. В новом государстве основные средства производства (земля и ее недра, а также ведущие отрасли промышленности) будут поставлены под государственный контроль или национализированы, а иностранные инвестиции станут привлекаться лишь в той мере, в какой они смогут способствовать укреплению национальной экономики.

Аринчева Дарья Александровна — кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Панцов Александр Вадимович — доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: alexander.pantsov@gmail.com.

Сунь Ятсен называл свою программу «социалистической» и иногда даже коммунистической, имея в виду, что будущее китайское государство будет не просто национальным, но и «социальным», то есть таким, в котором будет широко развита система социальной защиты населения.

При этом, правда, ни о каком уничтожении частной собственности Сунь Ятсен не помышлял, призывая к созданию в перспективе в Китае демократического государства, основанного на сотрудничестве всех классов. Суньятсеновский этатизм, то есть политический курс, обеспечивающий государственный приоритет в экономике, был направлен против олигархического капитализма, создававшего условия для исключительного обогащения властей предрежущих. Истинной целью китайского революционера было использовать государственные рычаги, для того чтобы способствовать развитию в Китае среднего класса. Государство у Сунь Ятсена выступало как контролирующая и направляющая сила. Именно поэтому важную роль в государственной экономической политике должен был играть прогрессивный налог со стоимости земли. Сунь Ятсен стремился положить конец монополистической политике олигархических бюрократических структур, способствуя построению «справедливого общества» равных возможностей. «Поднебесная для всех!» — провозглашал он¹.

Строительство такого государства, по мысли Сунь Ятсена, делилось на три этапа: «военного правления», «политической опеки» и «конституционного правления»².

В конце 1930-х — первой половине 1940-х гг. три народных принципа были официальной доктриной единого антияпонского фронта КПК и Гоминьдана, только Мао и Чан, вкладывая в это учение различное содержание, строили на его основе собственные парадигмы общественного развития на послевоенный период.

Первым свою общественно-политическую программу сформулировал Мао в конце 1939 — начале 1940 гг. Она была названа им «новой демократией». Суть ее заключалась в следующем. Исходя из того, что Китай — страна «колониальная, полуколониальная и полуфеодалная» (этот термин принадлежал тогдашнему соратнику Мао Цзэдуна — Генеральному секретарю ЦК КПК Ло Фу³), Мао обосновывал необходимость осуществления не социалистической, а так называемой «новодемократической» революции в своей стране, заявлял о необходимости социальных реформ. При этом Мао трактовал три народных принципа Сунь Ятсена довольно либерально, обещая после революции гарантировать права частных собственников, стимулировать национальное предпринимательство и привлекать иностранных инвесторов под строгим государственным контролем. Он призывал к снижению налогов, развитию многопартийной системы, организации коалиционного правительства и осуществлению демократических свобод. От «старой западной демократии» теория «новой демократии» отличалась, по словам Мао Цзэдуна, тем, что должна была проводиться в жизнь под руководством коммунистической партии. Однако последняя меняла свой имидж, выступая уже не как политическая организация рабочего класса, а как организация единого революционного фронта, стремившаяся к объединению «всех классов и слоев населения, которые способны быть революционными». Будущий Китай, утверждал Мао, будет не республикой пролетарской диктатуры, а республикой «объединенной диктатуры нескольких революционных классов»; в экономике новой страны будут сосуществовать как государственная и кооперативная, так и частнокапиталистическая собственность⁴.

Через некоторое время Чан Кайши в ответ на «новую демократию» дал свою, жестко этатистскую интерпретацию идей Сунь Ятсена. В 1943 г. он опубликовал две книги: «Судьба Китая» и «Китайская экономическая теория», в которых, по сути, выступил апологетом нового авторитаризма, объявив также в развитие идей Суня необходимым усиление в Китае государственного контроля над экономикой и частным предпринимательством в духе традиционной, присущей восточному деспотизму, системы государственной монополии, резкое ограничение иностранных инвестиций, осуществление

коллективизации сельского хозяйства, укрепление политической монополии Гоминьдана и искоренение диссидентов⁵.

Как видно, общественно-политические взгляды Мао и Чана коренным образом различались. Мао представлял в образе демократа, в то время как Чан — диктатора. Во многом поэтому во время заключительной гражданской войны (1946–1949 гг.) КПК получила поддержку большинства китайского населения, равно как и многочисленных западных либералов, а Гоминьдан оказался по существу в изоляции.

Чан явно недооценил степень влияния демократических идей на китайскую общественность. А ведь Китай первой половины XX в. отнюдь не был страной, никогда не слышавшей о демократии. Многие факторы в то время стимулировали существенное обновление китайской политической культуры. Среди них была и победа Синьхайской революции 1911 г., провозглашение республики, принятие Конституции 1912 г., выборы в первый парламент и парламентские дебаты, борьба Сунь Ятсена с Юань Шикаем и его планами реставрации монархии, движение за новую культуру 1915 г., антияпонское движение 4 мая 1919 г., сотрудничество и противоборство КПК и ГМД в период первого единого фронта 1924–1927 гг. и многое другое. Все эти события усиливали демократические настроения китайской интеллигенции, и именно эта часть общества первой с энтузиазмом приняла «новую демократию». (Не случайно в декабре 1939 г., работая над концепцией «новой демократии», Мао от имени ЦК подготовил даже специальное решение о привлечении интеллигенции на сторону партии)⁶.

Просчет Чан Кайши в немалой степени обеспечил успех коммунистов, полностью разгромивших гоминьдановцев в ходе гражданской войны, после чего объявивших захваченный ими Китай государством «новой демократии». Казалось, маоистская парадигма общественного прогресса восторжествовала, и китайский народ под руководством партии коммунистов принялся строить демократическое общество. Однако, избавившись от конкурента в лице Гоминьдана, КПК в скором времени свернула «новую демократию», открыто перейдя к еще более жесткой, чем в Китае при Чан Кайши, не только политической, но и экономической диктатуре.

Как же так получилось? Почему парадигма Мао Цзэдуна не оказалась в полной мере реализована? Может быть, не была жизнеспособной? Но тогда почему в период гражданской войны именно она получила широкую поддержку народа, а парадигма Чана нет? А может быть, Мао никогда и не собирался реализовывать «новодемократический» проект? И выдвинул его ради достижения сиюминутных военных целей? В самом деле, разве был коммунист Мао в конце 1930-х — 1940-е гг. демократом?

Зачем Мао Цзэдуна нужна была «новая демократия»?

Документальные источники свидетельствуют, что Мао приступил к разработке «новодемократической» теории за два года до ее обнародования, в конце 1937 г. Связано это было с возвращением в Китай из Москвы 29 ноября 1937 г. руководителя делегации КПК в Коминтерне Ван Мина, который привез ему последние указания И.В. Сталина относительно тактики КПК в антияпонской войне. Кремлевский диктатор, пристально следил за драматическим развитием событий на китайских фронтах, где японские агрессоры, развернувшие полномасштабные боевые действия 7 июля 1937 г., стремительно наступали. Летом—осенью 1937 г. под ударами войск микадо гоминьдановская армия терпела одно катастрофическое поражение за другим. 22 августа 1937 г. Сталин, опасавшись того, что японцы превратят Китай в военный плацдарм для будущего нападения на СССР, заключил договор с Чан Кайши, которому стал оказывать значительную помощь, посылать советников, давать деньги, снабжать вооружением. Но армия Чан Кайши все равно отступала. Единственное, чего Сталин достиг, — так это заверения Чана в том, что тот не заключит мира с японцами. Лидер Китая был готов вести затяжную войну.

В этих условиях Сталин и сформулировал новые указания КПК. Сделал он это 11 ноября 1937 г. в беседе с членами делегации КПК в Коминтерне Ван Мином, Кан Шэном и Ван Цзясяном, которые попросили его о встрече в связи с отъездом Ван Мина и Кан Шэна на родину. Ван Цзясян, прибывший в Москву на лечение (он страдал от ран с апреля 1933 г.), оставался под псевдонимом Чжан Ли вместо Ван Мина исполняющим обязанности руководителя делегации КПК. В беседе принял участие Георгий Димитров, Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна (ИККИ).

Сталин обстоятельно проинструктировал отъезжавших. Вопросы единого антияпонского фронта и антияпонской войны были, разумеется, затронуты в первую очередь. Судя по дневнику Димитрова, он подчеркнул следующие моменты:

«1) основное для кит[айской] компартии теперь: влияться в общую национальную волну и занять руководящее участие [*так в тексте*];

2) сейчас главное война, а не аграрная революция, не конфискация земли. (Необходим налог в пользу войны.) Кит[айские] ком[мунисты] пошли из одной крайности в другую — раньше все конфисковать, сейчас ничего [*так в тексте*];

3) один лозунг: “Победоносная война за независимость кит[айского] нар[ода]”. “За свободный Китай, против японских захватчиков”;

4) как драться китайцам с внешним врагом — это решающий вопрос. Когда это закончится, тогда [в]станет вопрос, как драться между собой;

5) китайцы находятся в более благоприятных условиях, чем мы в 1918—[19]20 г[г]. У нас страна была разделена по линии социальной революции. В Китае — национальная революция, борьба за независимость и свободу объединяет страну и народ;

6) Китай имеет огромные человеческие резервы, и я думаю, что Чан Кайши прав, когда утверждает, что Китай победит, нужно только выдержать в начатой войне».

В заключение Сталин сказал: «На кит[айском] парт[ийном] съезде⁷ нецелесообразно заниматься теоретическими дискуссиями. Теоретические проблемы надо оставить на дальнейшее время, после окончания войны. Говорить о некапиталистическом пути развития Китая теперь менее целесообразно [у Димитрова дословно: «теперь меньше шансов], чем раньше. (Ведь капитализм в Китае развивается!)»⁸. На языке Сталина и Коминтерна «некапиталистический путь» в применении к Китаю и другим странам Востока означал «социалистический». Иными словами, Сталин потребовал от КПК выработать новую политическую линию, формально исключавшую курс на социализм. Члены делегации КПК обязаны были доложить об этом своему Центральному комитету и лично Мао. Что Ван Мин и сделал.

Мао в развитие идей кремлевского вождя начал разрабатывать свою «новую демократию», прекрасно поняв, что политика Сталина представляла собой хорошо завуалированный тактический ход, направленный не только на объединение всех сил китайской нации с целью отражения японской агрессии, но и на подготовку условий для дальнейшего захвата власти в Китае компартией.

Дело в том, что в основе тактики Сталина лежал обман. Китайские коммунисты должны были энергично пропагандировать новый путь развития страны: умеренно демократический взамен леворадикального⁹. Вместо теории о непрерывном перерастании демократической революции в социалистическую следовало обосновать концепцию о неизбежности целого демократического этапа в послереволюционном развитии страны. Такой маневр позволил бы компартии значительно расширить массовую базу за счет переманивания на свою сторону представителей промежуточных слоев, выступавших против любой диктатуры, как коммунистической, так и гоминьдановской. Разумеется, этот зигзаг предполагал демонстративное дистанцирование КПК от СССР с его пролетарской диктатурой.

Первые элементы новой теории Мао изложил в начале марта 1938 г. в интервью английской писательнице и путешественнице Виолет Кресси-Маркс, встретившейся с

ним в его резиденции в г. Яньани. На ее вопрос, создана ли китайская компартия по образцу российской, Мао ответил:

– По образцу, данному Марксом и Лениным. Но она [КПК] достаточно независима от России... Как принципы Сунь Ятсена, так и доктрины Ленина и Маркса направлены на улучшение жизни народа, так что пока в Китае эти две идеологии совпадают.

– А если бы позднее на практике обнаружилось, что они не совпали? — попыталась Кресси-Маркс.

– То, что произойдет позднее, надо оставить людям и посмотреть, что они скажут, — ответил Мао, впервые не став развивать идею о перерастании демократической революции в социалистическую.

– Считаете ли вы, что коллективное ведение хозяйства хорошо? — продолжала интервью Кресси-Маркс.

– Да, оно несомненно было бы хорошо, если бы мы могли дать людям такой же инвентарь, что и в России, — объяснил Мао, явно давая понять, что до социализма Китаю еще следует dorasti¹⁰.

Вскоре, в самом начале мая 1938 г., Мао высказался на этот счет еще более определенно — в беседах с сотрудником американского посольства, военно-морским офицером Эвансом Карлсоном, посетившим Яньань. Вот что последний докладывал об этом президенту США Франклину Рузвельту: «У меня было две продолжительные беседы с Мао Цзэдуном. Он, конечно, мечтатель, гений. И обладает сверхъестественным даром проникать в глубь проблемы. Я спрашивал его главным образом о планах китайской коммунистической партии на то время, когда война окончится. Он отвечал, что классовая борьба и аграрная революция как таковые будут отброшены — до тех пор, пока нация не пройдет через подготовительный этап демократии. С его точки зрения, государство должно владеть рудниками, железными дорогами и банками, организовывать кооперативы и поддерживать частные предприятия. Что касается иностранного капитала, то, по его словам, инвестиции из тех стран, которые готовы сотрудничать с Китаем на основах равенства, необходимо поощрять. Был он очень дружелюбен и сердечен»¹¹. Вспоминая о разговорах с Мао два года спустя, Карлсон добавлял: «Он [Мао] сказал: «Коммунизм не является непосредственной целью, ибо его можно достичь только спустя десятилетия развития. Ему должна предшествовать сильная демократия, за которой последует подготовительный период социализма»». «Совершенно очевидно, — пишет в этой связи собеседник Мао, — что в этих словах не было ничего чересчур радикального»¹².

До встречи с Мао, в декабре 1937 — феврале 1938 гг., Карлсон инспектировал войска коммунистической 8-й армии, действовавшие в японском тылу в провинции Шаньси, где беседовал с главнокомандующим Чжу Дэ и другими людьми, близкими к Мао. Его вывод из всех этих встреч был один: «Китайская коммунистическая группа (так называемая) — не коммунистическая в том смысле, какой мы вкладываем в этот термин... Я бы назвал их группой либеральных демократов, а может быть, социал-демократов (но не нацистской породы). Они хотят равенства возможностей и честного правительства... Это не коммунизм в нашем понимании»¹³. Поверил ли Рузвельт своему бывшему телохранителю или нет — неизвестно, но то, что новая концепция китайской революции начала в то время обретать свои законченные черты — очевидно.

Вместе с Чжу Дэ и некоторыми другими членами руководства КПК, разделявшими его взгляды, Мао начал ее эффективную пропаганду. В результате ему удалось сформулировать концепцию «новодемократической революции» как особого этапа в развитии освободительного движения Китая. Сделал он это, правда, не без помощи своего секретаря Чэнь Бода, который в 1937 г. прибыл в Яньань из Бэйпина. По поручению Мао этот «толстоватый неуклюжий человек в очках, с несоразмерно большими ушами и глубоко поставленными глазами»¹⁴ уже в 1938 г. стал заниматься вопросами теории китайского коммунистического движения.

Свою новую теорию Мао Цзэдун впервые изложил в середине декабря 1939 г. в статье «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая». Написал он эту работу в соавторстве с «некоторыми товарищами», среди которых, в частности, были Ло Фу и все тот же Чэнь Бода. После этого, в январе 1940 г. в специальной брошюре «О новой демократии» он развил представленную концепцию.

Было понятно, что в своей борьбе с Гоминьданом Мао начал опираться на демократические традиции китайского общества. В то же время нетрудно заметить, что в основу этой концепции Мао положил ноябрьские (1937 г.) указания Сталина, развитые им самим в серии выступлений 1938 г. Да, конечно, в новых работах он пошел дальше. Однако в принципе никакого подлинного нововведения с его стороны не было. Его установки в полной мере соответствовали геополитической стратегии кремлевского диктатора. Характерно, что как раз в то время, когда Мао выступал с их развернутым обоснованием, Сталину впервые пришла в голову мысль о роспуске Коминтерна¹⁵. Было ли это простым совпадением? Очевидно, нет.

Во второй половине 1930-х гг. Сталин сам интенсивно работал над развитием новой тактики мирового коммунистического движения. И его беседа с Ван Мином и Кан Шэном в ноябре 1937-г. была этому лишь одним из свидетельств. Обмануть он пытался не только китайских интеллигентов и Чан Кайши, но и весь буржуазный Запад. Он хотел заставить их поверить, что компартии разных стран — за исключением, понятно, ВКП(б) — начиная с VII конгресса Коминтерна (июль—август 1935 г.), отказались от борьбы за социализм, заменив эту цель некоей идеей построения гуманного общества «народной демократии». Новая политика, несомненно, должна была облегчить коммунистам захват власти в их странах после войны. Выступая как национальные «демократические» партии, коммунистические организации и в Европе, и в Азии имели значительно больше шансов установить гегемонию над относительно широкой коалицией националистических сил. Сталин же только выиграл бы от победы своих сателлитов.

Именно желая «надуть» капиталистов, кремлевский вожь в итоге распустил Коминтерн. Сделал он это в мае 1943 г., однако, как вспоминал югославский коммунист Милован Джилас, Димитров говорил ему, что идея роспуска Коминтерна впервые возникла «во время присоединения балтийских стран к Советскому Союзу», то есть примерно в 1940 г. Вот что сам Сталин заявлял позже по этому поводу: «Положение с Коминтерном становилось все более ненормальным. Мы с Вячеславом Михайловичем [Молотовым] тут головы ломаем, а Коминтерн проталкивает свое — и все больше недоразумений»¹⁶. Да, именно обман лежал в основе сталинской «народной демократии», и в своих частных беседах с товарищами по оружию большевистский лидер не скрывал этого. По словам Джиласа, «сущность его мыслей состояла... в том, что не надо “пугать” англичан». Под этим он подразумевал, что следует избегать всего, что может вызвать у Запада тревогу по поводу того, что в разных странах в результате революций к власти придут коммунисты. «Зачем вам красные пятиконечные звезды на шапках? Не форма важна, а результаты, а вы — красные звезды! Ей-богу, звезды не нужны!» — сердился Сталин в разговоре с югославами. «А не сумели бы мы как-нибудь надуть англичан, чтобы они признали Тито [главу Коммунистической партии Югославии] — единственного, кто фактически борется против немцев?» — спрашивал он Молотова, размышляя о ситуации на Балканах¹⁷. Точно так же он мыслил и в отношении Китая.

Таким образом, теория Мао носила отнюдь не стратегический, а чисто тактический характер. Парадигма общественного прогресса, сформулированная им, была фикцией. Ни Мао, ни большинство его сторонников не собирались ее реализовывать. Им важно было только ослабить Гоминьдан, заклеив Чан Кайши как диктатора, а себя представив подлинными демократами. Эти тактические задачи они выполнили, а потому в 1953 г. и отбросили «новую демократию».

Новый авторитаризм Чан Кайши: суть, цели и задачи

Чан Кайши сформулировал свою парадигму общественного прогресса через три года после Мао. «Судьба Китая» вышла в китайской столице военного времени г. Чунцине 10 марта 1943 г., специально к восемнадцатой годовщине со дня смерти Сунь Ятсена (12 марта 1925 г.), а вскоре после нее была напечатана и «Китайская экономическая теория». Огромную помощь Чан Кайши в написании обеих работ оказал его секретарь Тао Сишэн, бывший профессор Пекинского университета, получивший образование в Японии.

Наибольшее значение Чан придавал первой книге: ее начальный тираж составил 200 тыс. экз., при цене каждой копии в 10 китайских центов. Книга тут же была включена в школьные и университетские программы и признана своего рода катехизисом гоминьдановца. До конца 1943 г. она была переиздана 200 раз. Тогда же Министерство информации Китая распространило в Нью-Йорке ее краткое содержание на английском языке, а китайская англоязычная газета «Вест Чайна мишюнэри ньюс», издававшаяся в Чэнду, опубликовала ее отдельные части. Полный англоязычный перевод книги, однако, не был опубликован китайским правительством, несмотря на то что был готов тогда же, в 1943 г. В дело вмешалась супруга генералиссимуса Сун Мэйлин, которая посоветовала мужу не делать этого, принимая во внимание откровенно антизападный и антилиберальный характер работы. Некоторые замечания Сун Мэйлин были учтены Чан Кайши при переиздании книги на китайском языке в январе 1944 г., однако англоязычный перевод так тогда и не вышел в Китае¹⁸. К его открытому изданию не стремились и правительства западных стран, хотя в Государственном департаменте США такой перевод был сделан, но хранился в архиве под грифом «Совершенно секретно». Характерно, что когда в январе 1946 г. шесть конгрессменов обратились в Госдеп с запросом дать им возможность ознакомиться с переводом «Судьбы Китая», им ответили, что надлежащий момент для предания текста гласности еще не настал.

Два полных английских перевода появились лишь спустя три года после второго китайского издания, в Нью-Йорке: и тот, и другой — примерно в одно и то же время, в начале 1947 г., только первый, тот самый гоминьдановский, в основном подготовленный еще в 1943 г., сопровождался восторженными комментариями известного американского журналиста китайского происхождения Линь Юйтана¹⁹, а второй, новый, независимый — яростными обвинениями Чана в фашизме и прочих грехах, принадлежащими американскому сталинисту Филиппу Джаффе, одному из издателей прокоммунистического журнала «Амэрейша». Джаффе даже сравнил эту книгу с гитлеровской «Майн Камф».

Он же, Джаффе, издал тогда же, в 1947 г., и первый англоязычный перевод «Китайской экономической теории» и тоже с убийственными ремарками²⁰. В то время в Китае как раз шла решающая фаза гражданской войны между КПК и Гоминьданом, а потому комментарии Джаффе имели ярко выраженную политическую направленность.

Как «нацистскую» или по крайней мере «оскорбляющую» читателя литературу книги Чан Кайши восприняли тогда многие западные либералы²¹. Именно поэтому Государственный департамент США и не хотел ее распространения в Штатах: ведь Чан оставался союзником американцев в борьбе против коммунизма, и президент-демократ Гарри Трумэн, конечно же, не хотел, чтобы американский народ узнал об антилиберальных взглядах китайского генералиссимуса.

В советской и российской историографии книги Чан Кайши тоже считаются «фашистскими», «реакционными» и «ксенофобскими». А.В. Меликсетов называл содержащиеся в них идеи «утопическими» и «сомнительными»²².

Но так ли все это было на самом деле? Можно ли чановский авторитаризм приравнивать к фашизму или считать утопическим? Вряд ли. Формально эти работы были призваны дать ответ на вопрос, как Китайской Республике следует развиваться после от-

мены Соединенными Штатами Америки и Великобританией неравноправных договоров с ней и заключения новых соглашений (последнее произошло 11 января 1943 г.). Фактически же они явились реакцией на «новую демократию» Мао Цзэдуна²³.

В своих книгах Чан действительно стремился показать, что Китай не готов ни к какой демократии, ни к «новой», ни к «старой», так как в силу особенностей своего исторического развития вообще чужд западной идеологии и политики. Большая часть объемистой «Судьбы Китая» и небольшой по размеру «Китайской экономической теории» посвящена тотальной критике Запада, включая западные принципы рыночной экономики. Но в чем же здесь фашизм или утопизм?

О том же самом, по существу, неоднократно писал и Сунь Ятсен. И Сунь, и Чан, хорошо знавшие китайскую историю и философию, понимали: китайский тип цивилизации отличается от западного прежде всего тем, что китайская экономика, в отличие от западной, рыночной, базирующейся на частной собственности, всегда основывалась на собственности коллективной, персонифицированной в особе правителя. Иными словами, не частные собственники, а государство, неизменно стремившееся монополизировать основные средства производства, прежде всего землю, недра, воду и ирригационную систему, играло основную роль в экономике. Подчеркивая это, Чан Кайши ссылаясь на мыслителей древнего и средневекового Китая, Гуань Чжуна (720–645 до н.э.), Шан Яна (390–338 до н.э.), Фань Чжунъяня (989–1052), Ван Аньши (1021–1086) и Чжан Цзюйчжэна (1525–1582), каждый из которых, служа при дворе разных династий, исходил в своих воззрениях именно из приоритетов государства над личностью. «Теории вышеупомянутых экономистов различались между собой, но их характер и цели оставались едиными, — отмечал Чан. — Ни одна из них [этих теорий] не исходила... из каких-либо личностных устремлений отдельного индивидуума или индивидуумов. Все базировались на природе человека, исходили из необходимости национального [то есть государственного] планирования и народного благосостояния... В центре всех их лежала идея экономического планирования и [государственного] контроля [над рынком]»²⁴. Именно эту идею Чан и собирался воплотить в жизнь, отвергая как неприменимую к Китаю либеральную западную теорию Адама Смита (*laissez faire la nature*). Но об этом писал и Сунь Ятсен: «Социальные явления никогда нельзя предоставлять естественному течению. Они подобны дереву, которое разрастается хаотически, если не вмешиваться в его развитие»²⁵.

Отвергая западные ценности, Чан справедливо обращал внимание на то, что китайцы в силу особенностей экономического развития Поднебесной по самой своей социальной психологии коллективисты, поэтому «традиционная философия Китая основана на идее о том, что люди не отдельные личности, не разобщенные “я”, а каждый из них — часть множественного “мы”»²⁶.

Именно поэтому, развивая Сунь Ятсена, Чан Кайши представлял будущее идеальное китайское общество следующим образом: частная собственность, как и в сакраментальном прошлом, будет находиться над жестким контролем государства, пресекающим возникновение частнокапиталистических монополий и осуществляющим экономическое планирование; права на землю будут уравнены за счет государственного изъятия дифференциальной земельной ренты; крестьянство будет работать в колхозах, своего рода военных поселениях, где все мужчины будут составлять отдельные военизированные отряды (некую народную милицию). Государство, кроме того, возьмет на себя функции посредника в урегулировании споров между рабочими и капиталистами и организацию широко развитой системы социальной помощи населению. «Экономическая обязанность правительства — вспомоществование народу, то есть [осуществление принципа] народного благосостояния, с одной стороны, и защита народа — национальная оборона — с другой», — резюмировал Чан, настаивая на том, что только таким путем Китай сможет прийти к «великой гармонии» или «великому единению» (*даун*), который «воплощает в себе окончательную экономическую цель трех народных принципов»²⁷. Речь, по сути де-

ла, шла о построении в Китае мирным путем государственного социализма, то есть того самого общества, о котором и мечтал Сунь Ятсен.

Так что Чан Кайши никоим образом не отступал от основных идей своего учителя: ведь Сунь Ятсен тоже исходил из необходимости «сохранения... традиций гос[ударственного] регулирования» и утверждал превосходство «кит[айской] цивилизации... над западной»²⁸. Более того, в целом программа Чана в гораздо большей степени, чем «новая демократия» Мао Цзэдуна, соответствовала экономическим и социальным особенностям Китая. Но к сожалению для Чана, он выступил со своим новым авторитаризмом не вовремя, тогда, когда во всем мире шла кровопролитная война между тоталитаризмом, ассоциировавшимся в массовом сознании с политическими режимами Германии, Италии и Японии, и демократией, главными поборниками которой считались тогда не только США, Великобритания и Франция, но и — парадоксальным образом — СССР. Это и предопределило его поражение в гражданской войне с Мао Цзэдуном.

* * *

Таким образом, «новая демократия» Мао и доктрина нового авторитаризма Чана различались по своим целевым установкам: если маоистские идеи носили чисто тактический характер, то чановская программа имела стратегическое значение. Это находило выражение не только в диаметрально противоположных интерпретациях «трех народных принципов» Сунь Ятсена, но и в отношении к суньятсеновскому плану строительства государства: в то время, как Мао твердил о необходимости немедленного перехода к «конституционному правлению», Чан, по существу, настаивал на незавершенности периода «политической опеки».

В итоге Мао Цзэдун и одержал тактическую победу, но стратегически прав оказался Чан Кайши. Вскоре после поражения Гоминьдана Мао отбросил «новую демократию», повсеместно ликвидировав в ходе социалистических преобразований середины 1950-х гг. частную собственность и полностью огосударствив китайскую экономику. В КНР утвердилась даже не авторитарная, а тоталитарная система правления. В то же время Чан Кайши и его преемники (в первую очередь Цзян Цзинго и Ли Дэнхуэй) успешно реализовали принципы Сунь Ятсена на Тайване, действительно заложив там фундамент государства «народного благосостояния». Именно к этой, суневско-чановской, парадигме общественного прогресса, стал, похоже, подходить в последние годы и материковый Китай — в ходе масштабных социально-экономических реформ, осуществляемых коммунистическими вождями нового поколения — реформ, воплощающие в себе, по сути, основные политические идеи того же самого нового авторитаризма Чана, с которым Мао так долго боролся.

-
1. *Сунь Ятсен*. Избранные произведения. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1985. С. 107–120, 124–136, 145–284, 301–304, 357–368, 376–623, 637, 684–688.
  2. Там же. С. 118–120, 641–656, 637–639. См. также: *Linebarger P.* The Political Doctrines of Sun Yat-sen: An Exposition of the *San min chu i*. Baltimore: MD, 1937; *Bergère M.-C.* Sun Yat-sen. Trans. Janet Lloyd. Stanford: CA, 1994; *Lorenzo D. J.* Concepts of Chinese Democracy: Reading Sun Yat-sen, Chiang Kai-shek and Chiang Ching-kuo. Baltimore: MD, 2013.
  3. См.: Чжан Вэньтянь няньпу [Хронологическая биография Чжан Вэньтяня]. Пекин, 2000. Т. 1. С. 624.
  4. См.: *Мао Цзэ-дун*. Избранные произведения. М., 1949. Т. 2. С. 367–456.
  5. См.: *Цзян Чжунчжэнь (Чан Кайши)*. Чжунго чжи минъюнь (Судьба Китая). Чунцин, 1943; *Он же*. Чжунго цзинци сюэшо [Китайская экономическая теория]. [Чунцин], 1943.
  6. См.: *Мао Цзэ-дун*. Избранные произведения. М., 1953. Т. 3. С. 127–132.
  7. Сталин предполагал, что китайские коммунисты созовут свой очередной VII съезд в ближайшие месяцы. Но созыв съезда затянулся до апреля 1945 г.

8. Российский государственный архив социально-политической истории (здесь и далее — РГАС-ПИ). Ф. 146. Оп. 2. Д. 3. Л. 64–66. См. также: *Димитров Г.* Дневник. (9 март 1933. – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 130.
9. *Сталин И В.* Соч. М., Т. 8. 1948. С. 366; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 267. Л. 103.
10. *Cressy-Marcks V.* Journey into China. New York, 1942. P. 165.
11. *Carlson E.* Evans F. Carlson on China at War, 1937–1941. New York, 1993. P. 37–38.
12. *Carlson E.* Twin Stars of China. A Behind-the-Scenes Story of China's Valiant Struggle for Existence by a U.S. Marine who Lived and Moved with the People. New York, 1940. P. 168, 169.
13. *Carlson E.* Evans F. Carlson on China at War, 1937–1941. P. 22, 49.
14. *Владимиров П.П.* Особый район Китая, 1942–1945. М., 1975. С. 77–78.
15. См.: *Джилас М.* Разговоры со Сталиным. [Франкфурт-на-Майне, 1970]. С. 32.
16. Там же. С. 78.
17. Там же. С. 60, 70. См. также: *Dedijer V.* The War Diaries of Vladimir Dedijer. Ann Arbor: MI, 1990. Vol. 3. P. 313. Сталин хотел, чтобы югославские коммунисты заменили пятиконечные звезды на герб югославского короля. Однако Тито и его товарищи не могли принять такую замену, поскольку королевский герб носили на своей униформе четники — сербские националисты, также активно участвовавшие в антифашистской борьбе.
18. См.: *Lin Yutang.* Introduction // *Chiang Kai-shek.* China's Destiny. Trans. Wang Chung-hui. With an Introduction by Lin Yutang. New York, 1947. P. viii; *Jaffe Ph.* The Secret of "China Destiny" // *Chiang Kai-shek.* China's Destiny and Chinese Economic Theory. With Notes and Commentary by Philip Jaffe. New York, 1947. P. 18–21. См. также: *Fenby J.* Chiang Kai-shek: China's Generalissimo and the Nation He Lost. New York, 2004. P. 400–401; *Taylor J.* The Generalissimo: Chiang Kai-shek and the Struggle for Modern China. Cambridge, Mass., 2009. P. 260–261.
19. См.: *Chiang Kai-shek.* China's Destiny. Trans. Wang Chung-hui. With an Introduction by Lin Yutang.
20. См.: *Chiang Kai-shek.* China's Destiny and Chinese Economic Theory. With Notes and Commentary by Philip Jaffe.
21. См.: *Shewmaker K.E.* Americans and Chinese Communists, 1927–1945. Ithaca; London, 1971; *Fairbank J.K.* Chinabound. New York, 1982. P. 252–253.
22. См.: *Меликсетов А. В.* Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949). М., 1977. С. 1266–170. См. также обсуждение книги Меликсетова, опубликованное в журнале «Народы Азии и Африки» (1975. № 5. С. 180–208).
23. См.: *Taylor J.* The Generalissimo. P. 260.
24. См.: *Chiang Kai-shek.* China's Destiny and Chinese Economic Theory. With Notes and Commentary by Philip Jaffe. P. 258.
25. *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. С. 116.
26. *Chiang Kai-shek.* China's Destiny and Chinese Economic Theory. With Notes and Commentary by Philip Jaffe. P. 245.
27. *Ibid.* P. 273, 289–292.
28. *Сухарчук Г.Д.* Сунь Ятсен // Духовная культура Китая: Энциклопедия. 2-е изд. М., 2011. Т. 1. С. 399. См. также: *Он же.* Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в.: сравнительный анализ. М., 1983.

Поправка

В рубрике «История» в статье С. Пономарева, А. Плотникова «К 200-летию со дня рождения Г.И. Невельского» («Проблемы Дальнего Востока». 2013. № 6) допущены неточности. На стр. 113 следует читать: Пономарев Сергей Алексеевич; на стр. 113, 118 следует читать: Геннадий Иванович Невельской. В электронной версии журнала эти неточности устранили.